

М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

О жанре «Слова о Лазаревом воскресении»

Рукописная традиция связывает «Слово о Лазаревом воскресении» с циклом апокрифических сказаний о «страстях Христовых» (о его распятии, воскресении, сошествии во ад), с проповедями на воскресение Христа, на воскресение Лазаря. Эти темы легли в основу не только многочисленных апокрифов и эсхатологических сочинений, обширной легендарной и проповеднической литературы; они послужили сюжетной канвой и для произведений монументальной и станковой живописи, и для первых христианских драм в средневековой Европе. В частности, сюжет воскресения Лазаря получил широкое распространение в мировой литературе начиная от западноевропейских средневековых проповедей и мистерий и кончая рассказом «Елеазар» Леонида Андреева. Эта тема явилась выражением разных философских и этических концепций и претерпела в связи с этим различные сюжетные и жанровые изменения.

В 1862 г. А. Н. Пыпин издал не известное до тех пор «Слово святых апостол иже от Адама во аде к Лазарю» («Слово на Лазарево воскресение») по списку из Златоуста XVI в.¹ Тридцать лет спустя, публикуя апокрифические сочинения из собрания Соловецкой библиотеки, И. Я. Порфирьев помещает среди прочих апокрифов текст «Слова в субботу 6-ю поста на воскресение друга божия Лазаря»² и делает предположение, что на это «Слово» повлияли два апокрифических текста: «Слово в святую и великую субботу о погребении тела господа нашего Иисуса Христа» Епифания Кипрского и «Слово в святую и великую пятницу» Евсевия Александрийского. Само «Слово о Лазаревом воскресении» вместе с этими сочинениями Евсевия и Епифания оказало влияние на поучения архимандрита Кирилла Транквилиона, в частности на одно из его поучений, повествующее о воскресении Лазаря, о власти божества Христова и «О рыдании сущих во аде праотец».³ Отмечая текстуальную близость опубликованных им и А. Н. Пыпиным двух списков «Слова на Лазарево воскресение» сочинениям Евсевия и Епифания, а через них — апокрифическому Евангелию Никодима, И. Я. Порфирьев обнаруживает и различия между ними, помимо сюжетных, в самой манере повествования: «Те события, которые в Евангелии Никодима передаются в простой

¹ Памятники старинной русской литературы, изданные гр. Куселевым-Безбородко, вып. III. СПб., 1862, стр. 11—12.

² И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. — *СОРЯС*, т. 52, № 4, СПб., 1890, стр. 228—231. (Далее: Порфирьев).

³ Там же, стр. 36—49.

описательной форме, а в „Слове“ Епифания излагаются отдельными сценами в драматизированном рассказе, в „Слове“ Евсевия изображаются в форме настоящей драмы».⁴ «Слово» Евсевия, повлиявшее на «Слово на Лазарево воскресение», оказало на него воздействие, разумеется, и в жанровом отношении. Впервые вопрос о жанре «Слова» поставил И. Я. Франко.⁵ Называя его поэмой, И. Я. Франко не только высоко оценивал литературные достоинства памятника, но и определял его жанр. Это видно уже из самого подзаголовка его статьи: «Староруська поема на апокрифічні теми». Исследователь отнес «Слово о Лазаревом воскресении» в разряд дружинной поэзии, образцом которой он считал «Слово о полку Игореве», а для XVI в. (все известные И. Я. Франко списки «Слова» датируются XVI в.) — рассказ о победе князя Острожского над москвичами под Оршей в 1515 г., отразившийся в Киевской летописи. И. Я. Франко, вероятно, имел в виду Киевскую летопись 1241—1621 гг.

Одна поэтическая традиция, по мнению И. Я. Франко, связывает «Слово на Лазарево воскресение» со «Словом о полку Игореве», со «Словом о Романе Волынском» в Волинской летописи под 1201 годом, со «Словом о погибели Русской земли». И. Я. Франко находил стилистическое сходство «Слова о Лазаревом воскресении» и с «Похвалой богу с сотворении вся твари» Георгия Пизиды в Шестодневе, переведенном в 1385 г.

Как видим, границы жанра дружинной поэмы в представлении И. Я. Франко достаточно зыбки. То, что названием «поэма» И. Я. Франко определял жанр памятника, показывает и его реконструкция⁶ «Слова», составленная на основе трех известных ему списков.⁷ При реконструкции архетипа И. Я. Франко придал ему стихотворную форму, организовав текст в отдельные строфы.

С этой реконструкцией нельзя согласиться. Текстологический анализ всех списков «Слова на Лазарево воскресение» (а их насчитывается сейчас больше двадцати) дает право утверждать, что первоначальный текст памятника имел иной вид, чем это представлено в реконструкции И. Я. Франко. Он, естественно, внес в нее лишь то, что было общим для всех списков, исключив из древнейшего, по его мнению, текста то, что казалось ему вторичным.

К изучению «Слова на Лазарево воскресение» обращался И. П. Еремин. Определяя жанр как «некую исторически сложившуюся и относительно устойчивую систему тех или иных взаимосвязанных элементов художественной структуры произведений искусства»,⁸ И. П. Еремин подчеркивал, что для определения жанровой природы какого-либо произведения «необходимо учитывать все жанрообразующие элементы его художественной структуры в их единстве».⁹ Определяя ту почву, на которой выросло «Слово о полку Игореве», И. П. Еремин ставил «Слово на Лазарево воскресение» в круг памятников ораторской прозы древней Руси:

⁴ Порфирьев, стр. 42.

⁵ И. Я. Франко. «Слово о Лазаревом воскресении». Староруська поема на апокрифічні теми. — Записки Наукового товариства імени Шевченка, т. XXXVI, Львів, 1900, стр. 1—56.

⁶ Там же, стр. 50—56.

⁷ Списки, опубликованные А. Н. Пыпиным и И. Я. Порфирьевым. И. Я. Франко издал список из собрания Киевской духовной академии в «Записках Наукового товариства імени Шевченка» (т. XXXVI, стр. 38—49).

⁸ И. П. Еремин. Жанровая природа «Слова о полку Игореве». — В кн.: И. П. Еремин. Литература древней Руси. М.—Л., 1966, стр. 150.

⁹ Там же.

«... автору „Слова“ проложили путь Иларион, предполагаемый автор „Слова о законе и благодати“, Кирилл Туровский, „другой Златоуст, паче всех воссиявший в Русской земли“, автор гениального „Слова о Лазаревом воскресении“ и, быть может, другие, пока неизвестные нам, церковные и светские „ветии и песнетворци Киевской Руси“». ¹⁰

Существуют две редакции «Слова о Лазаревом воскресении» — краткая и пространная. ¹¹

В краткой редакции Адам, томящийся в аду, узнав о скором воскресении Лазаря, обращается к нему с речью, в которой просит Лазаря передать Христу просьбу простить всех пророков и праотцев, спуститься в ад и освободить их. В пространной редакции воскресший Лазарь рассказывает Христу о молении Адама, о муках праведников, и Христос спускается в ад в окружении небесных воинов, разрушает адскую темницу, выводит оттуда пленников.

Текстологический анализ всех дошедших до нас списков «Слова» позволяет высказать предположение, что краткая редакция образовалась из того же текста, что и пространная, но основой для краткой редакции послужила лишь первая часть «Слова о Лазаревом воскресении», т. е. речь Адама к Лазарю. Пространная редакция и архетипные чтения в обеих редакциях позволяют восстановить логическое развитие сюжетной линии памятника. Текст «Слова на Лазарево воскресение» пережил сложную литературную историю и дошел до нас в очень неисправном виде. Можно указать целый ряд «темных мест» в обеих редакциях «Слова», что говорит об очень раннем этапе переработки обеих редакций.

И. Я. Франко реконструировал «Слово» на основе сюжета пространной редакции (по Соловецкому списку), включая, однако, в ее текст отрывки из краткой редакции. Не обосновывая системой доказательств первоначальности сюжета, сохранившегося в пространном варианте, И. Я. Франко исходил именно из этого убеждения. И. П. Еремин также пересказывал сюжет «Слова» в соответствии с пространным вариантом памятника, рассматривая тем самым сюжет этой редакции как соответствующий первоначальному тексту. Мы не можем сейчас с полной определенностью сказать, в каком виде была представлена в первоначальном тексте «Слова» вторая часть памятника, так как в краткой редакции она полностью отсутствует. Но некоторые факты истории текста и анализ его художественной структуры позволяют судить о первоначальном виде «Слова».

«Слово на Лазарево воскресение» — это торжественное «слово» во славу Христа-Спасителя, освобождающего род человеческий. Поэтому и начинается оно с пророчества Исайи о скором приходе Христа в мир (пространная редакция), с рассказа о его рождестве. (Поэтому и могли быть приурочены некоторые его списки не к Лазаревой субботе, как обычно, а к празднику рождества). И если в начале произведения Христос — беззащитный младенец, которого самого надо укрыть и уберечь от злодейств царя Ирода, то в заключительной части «Слова» Христос — спаситель в облике воина, сопровождаемый целыми полками небесных воинств, побеждающий силы ада и освобождающий праведников. Поэтому и заканчивалось «Слово о Лазаревом воскресении» славой Христу.

Пространная редакция представляет собой переработку древнего

¹⁰ Там же, стр. 161.

¹¹ М. В. Рождественская. «Слово о Лазаревом воскресении» (характеристика редакций). — ТОДРА, т. XXIV, М.—Л., 1969, стр. 64—67.

текста, предпринятую с целью приспособить памятник к официальной христианской идеологии. Редактор пространной редакции задался целью избавить читателя от возможных раздумий над судьбой человека в мире, над вопросами о милосердии бога, о справедливости его суда, — теми вопросами, что звучат в речи Адама к Лазарю, наиболее полно сохраненной списками краткой редакции. Уничтожая все оттенки глубокой философской мысли автора о сущности человека — одновременно «царя» и «полоняника», редактор проявил несомненный талант художника, ибо переработка сделана с пониманием стиля памятника. В пространной редакции «Слова на Лазарево воскресение» можно найти все признаки ораторского жанра. Она открывается торжественным вступлением, начинающимся с пророчества Исайи: «Слыши, небо, внуши, земле, яко господь глаголаше. Сыны породих и вознесох, и ти ся мене отвергоша...» (По списку из собр. М. Н. Тихомирова, № 115, л. 77 об.). Известно, что в произведениях ораторского жанра в центре внимания автора во вступлении обычно находится само «слово», его художественная структура. Намек на это находим в «Слове на Лазарево воскресение». Давид, перебирая гусли, восклицает: «Воспойм, братие, веселую песнь, дружино моя, днесь отложим тугу и печаль, утешимся богом». «Отложим плач и скорбь», — читаем в другом списке. Это плач, который слышим в первых словах пророчества Исайи. Эта, уже во вступлении намеченная тема плача не только проходит через произведение, но выступает и как своеобразный жанрообразующий фактор. Автор пространной редакции сталкивает пророка Исайю и псалмопевца Давида, и это сопоставление двух настроений — горестного в словах Исайи, оттого что израильтяне забыли бога, и радостно-приподнятого в псалме Давида — не противоречит вступлением в торжественных речах, где сталкивалось несколько манер повествования.

И. П. Еремин остановился также и на центральной, нарративной части ораторских сочинений. Говоря о многих «словах» Кирилла Туровского, в центральной своей части представляющих собой повествование, И. П. Еремин отметил, что «к повествованию сводится, в сущности, все целиком и „Слово о Лазаревом воскресении“».¹² Правда, И. П. Еремин оговаривает, что «повесть в составе торжественной речи — это совсем особая „повесть“», что как часть целого «повесть» пронизывается «элементами ораторской риторики, порою даже теряет свою нарративную природу, переключаясь в своеобразный монолог в рамках лиро-эпического повествования».¹³

Повествовательный характер центральной части пространной редакции «Слова на Лазарево воскресение» (речь Адама к Лазарю, приход Христа в Вифанию, воскресение Лазаря, сошествие Христа в ад и освобождение пленников) можно только наметить. Почти половину центральной части «Слова на Лазарево воскресение» занимает рассказ об евангельских событиях. Эпизоды, связанные непосредственно с воскрешением Лазаря (приход в Вифанию, встреча с Марфой и Марией) в списках пространной редакции, отразивших архетипный текст, очень кратки, они только констатируют события: «Услышавше господь плач их и скорбь во аде, приде к сестре к Лазареве к Марии и Марфе, и глаголаше Мария и Марфа ... и рече господь ... тогда воскреси господь Лазаря ... И рече Лазарь пред господом» (л. 78 об. и дальше). Описание событий в Вифании занимает в «Слове» всего несколько фраз, основное же место отведено молитве-плачу Адама, спору ада с дьяволом, описанию сошествия

¹² И. П. Еремин. Жанровая природа «Слова о полку Игореве», стр. 154.

¹³ Там же, стр. 155.

Христа в ад. Книга пророка Исаяи в славянском переводе сохранила эмоциональную окраску, и поэтому начало «Слова» с пророчества Исаяи и слов Давида дает тон всему дальнейшему повествованию. Эта «страстность» пронизывает все «Слово на Лазарево воскресение». Описание событий в преисподней до прихода Христа заимствовано из сочинений Евсевия Александрийского, а именно из его «Слова о сошествии Иоанна Предтечи в ад» и поучения о том, «како спресе диавол со адом». ¹⁴ Разумеется, автор «Слова на Лазарево воскресение» был хорошо знаком с апокрифическими сочинениями Евсевия Александрийского и Епифания Кипрского, но использование им этих сочинений не было механическим. Автор вводит в круг действия властителей подземного мира только тогда, когда это необходимо для художественного замысла. Давид призывает пророков и праведников послать весть Христу — в ответ ад велит дьяволу прислушаться к словам Давида. Христос приходит воскресить Лазаря, и тут же звучит голос сатаны — он хочет сам отпустить Лазаря из ада, боясь Христа. Христос спускается в ад, и, слыша его приближение, пугаются ад и сатана.

Этими неожиданно врывающимися репликами ада и дьявола центральная часть «Слова на Лазарево воскресение» делится в свою очередь на три части. Они очень «драматургичны», почти целиком состоят из диалогов: это Давид и пленники, ад и дьявол, Мария, Марфа и Христос, Христос и Лазарь, Христос и Адам. Автор как бы прислушивается к тому, что разворачивается перед ним, и только поясняет: «Тогда Давид ясным гласом рече», «И рече Давид», «И услышав Адам», «И тогда воскресе Лазарь и глагола к господу», «и глагола господь Лазарю», «и глагола ад к дьяволу», «тогда царь великий Давид глагола», «глагола господь Адаму», «и глагола господь апостолам».

Такое «многоголосие» весьма характерно для источников, которые легли в основу «Слова на Лазарево воскресение», — сочинений Евсевия и Епифания Кипрского, опиравшихся на вторую часть апокрифического Евангелия Никодима. Эту зависимость ясно ощущал переписчик каждого дошедшего до нас списка «Слова на Лазарево воскресение», помещая текст «Слова» в сборниках в окружение сочинений, посвященных «страстям» и распятию Христа, часто апокрифического характера. Это были преимущественно сборники определенного состава — учительные и постные златоусты, измарагды, торжественники и даже Хронограф (в нем текст «Слова» внесен в текст Евсевия Александрийского о сошествии Иоанна Предтечи в ад и помещен в том месте Хронографа, где рассказывается о событиях во времена правления кесаря Тиберия).

Тексты «Слова на Лазарево воскресение», как правило, приурочены к шестой неделе великого поста — пятнице или Лазаревой субботе. Часто они переписывались вместе с похвальными «словами» на память четверодневному Лазарю Климента Словенского (иногда этот текст, начинающийся со слов: «Се предтече светозарное торжество...», в рукописях приписан Иоанну евангелисту или Иоанну Златоусту) ¹⁵ и Тита Бострийского. Интересно, что в окружении этих похвальных «слов» на воскресение Лазаря помещены большей частью тексты пространной редакции, где сюжетным стержнем является именно воскресение Лазаря и передача им жалоб праведников Христу, — редакции, последовательно сохранившей черты торжественной речи.

¹⁴ Кроме текстов, указанных И. Я. Порфирьевым, см. текст поучения в сборнике ГБЛ, ф. 299, собр. Н. С. Тихонравова, № 584, лл. 153—160.

¹⁵ Один из ранних славянских текстов этой похвалы находится в Златоусте и Торжественнике XII в. (собр. ГПБ, Фл I, № 46, лл. 102—104).

В христианском сознании воскресение Лазаря воспринималось как прообраз воскресения Христа. В похвальных «словах» Иоанна Златоуста и Климента Словенского Лазарь называется «вторым предтечей», «прообразом трехдневного воскресения Христова». Тема воскресения Лазаря служит прелюдией к теме воскресения Христа, а последняя часто связывается, например в иконописи, с темой сошествия во ад.

Каждое евангельское событие как бы подчеркивает святость и высоту Христа, и Лазарь, прокаженный, слепой и другие персонажи Евангелия освещаются его светом. Вот почему в «Слове о Лазаревом воскресении» само событие воскресения Лазаря, т. е. фабула, становится узлом сюжетных нитей и объединяет противоположные стилистические настроения и элементы разных жанров.

Тексты краткой редакции (плач Адама с мольбой о спасении) часто переписываются наряду с апокрифическими сочинениями Евсевия и Епифания, сказанием Исаяи «о последних letech», отрывками из Евангелия Никодима и др. Апокрифический характер сочинений о последних днях Христа предоставлял, по-видимому, большую жанровую свободу. Несмотря на то, что среди апокрифов мы встречаем евангелия, сказания, поучения, легенды, молитвы, плачи, духовные стихи, т. е. произведения самых разных жанров, можно думать, что уже для древнейших апокрифов все же существовал определенный жанровый круг. Может быть, это обуславливалось тем, что апокрифическая литература всегда была тесно связана с народным сознанием, с фольклорными источниками.

Многие фольклорные мотивы проникали в письменность, в апокрифы, а потом снова возвращались в народную среду уже в форме христианских легенд, духовных стихов. «Потребность веры была в то время так сильна и разнообразна, что не было недостатка в лицах, готовых веровать в творения, лишь бы они носили имена апостолов и мужей апостольских».¹⁶ Говоря о месте и значении апокрифических представлений в древнерусской культуре, П. С. Богословский сводил их историческую роль к тому, что «они, переплетаясь с народными исконными представлениями, являются связующим звеном между письменностью и устным народным творчеством».¹⁷ Вопрос о роли и значении апокрифики для древнерусской литературы в целом требует особого изучения. Для нас важно то, что апокрифические мотивы — одушевление ада, спор ада и сатаны, фигура Лазаря в аду — искусно вплелись в произведение, построенное в рамках, казалось бы, строго официального жанра. Но сильнее всего «еретическая» мысль — идея сомнения в справедливости божьего суда — выразилась в плаче Адама, который уже в раннее время существования «Слова» выделился из него и образовал особую, краткую, редакцию. А пространная редакция получила христианско-церковную обработку и в более поздних списках превратилась в торжественно-риторическое прославление Христа. Она конкретизировала христианскую идею спасения, мольба о котором звучит в страстном монологе Адама. И. П. Еремин показал, что для торжественного красноречия характерен распад «повести», входящей в состав «Слова», на отдельные фрагменты, отступления, и что в этих отступлениях автор часто заменяет рассказ монологом. При этом И. П. Еремин привел в качестве примера «слова» Ки-

¹⁶ Е. Барсов. О воздействии апокрифов на обряд и иконопись. — ЖМНП, 1885, т. XII, стр. 99.

¹⁷ П. С. Богословский. Об апокрифических представлениях в древнерусском творчестве в связи с изучением литературного прошлого Пермского края. — Пермский краеведческий сборник. Вып. II. К десятилетию Пермского университета. Пермь, 1926, стр. 24.

рилла Туровского, повествовательная часть которых «нередко распадается на речи тех или иных персонажей», и автора «Слова о Лазаревом воскресении». Надо отметить, что в сочинениях Кирилла Туровского есть целый ряд выражений, близких «Слову о Лазаревом воскресении»: «Овчя купели жадаши» («Слово о расслабленном»);¹⁸ «...пастыри свиряюще веселием Христа хвалят» («Слово на антипасху»);¹⁹ «Кацми же плащаницами осию тя, повивающаго мглою землю и небо облакы покрывающаго! Или каковы воня возлею на твое святое тело, ему же дары с вонями пьрстии принесеше цесари, яко богу поклоняхуся» («Слово о снятии тела Христова с креста»);²⁰ Эти интересные факты ни в коей мере не свидетельствуют безоговорочно о творческом участии Кирилла Туровского в создании «Слова о Лазаревом воскресении», так как их можно объяснить общностью источников и рассматривать как общие явления стиля эпохи и жанра.

Интересно сопоставить «плач Адама» с сочинением Кирилла Туровского — его молитвой «В неделю по заутрени к господу нашему Иисусу Христу».²¹ При всем лексико-фразеологическом и жанровом сходстве этих двух молитв отчетливее выступает своеобразие «плача Адама». Приняв от ветхозаветного бога воздаяние за грехи, Адам просит христианского — о милосердии. В молитве Кирилла Туровского обращают на себя внимание несколько тем, очень близких «Слову на Лазарево воскресение»: тема славы бога, Христа, его воскресения и спасения «суших во аде праведных»; тема пророков и праведников, страждущих в аду; наконец, сама исповедь молящегося «грешника», которая сопоставима с речью Адама к Лазарю и по назначению, и даже по отдельным выражениям.

Плач-молитва Адама из «Слова» сопоставима не только с произведением Кирилла Туровского. Она имеет свою традицию в древнерусской литературе — традицию лиро-эпических плачей, основывавшихся, с одной стороны, на устной причети, а с другой — на традиции библейско-византийской книжности.²² По замечанию В. П. Адриановой-Перетц, связь содержания плачей с биографией оплакиваемого (речь идет о плаче в составе летописи) сближает их с народными причетями, «в которых наряду с горестной лирикой много эпического содержания».²³ В плаче-молитве Адама замечательно то, что это плач по себе самому и по тем, кто находится в равных обстоятельствах с оплакивающим, с Адамом. Одновременное ощущение себя и живущим, и умершим приходит, по-видимому, от того, что действие «Слова на Лазарево воскресение» разворачивается в аду, в преисподней, где земная жизнь нереальна, где время иное (это заметил уже И. Я. Франко), где законы жизни и смерти иные. Кажется, мы не найдем в древнерусской литературе другого произведения, где бы так своеобразно переплелись элементы мольбы, упрека, оплакивания и славословия.

Исполненный трагизма, напоминающий лирический плач монолог Адама мог восприниматься читателями на фоне широкого развития этой темы в византийской и русской литературе (широко известен плач Адама

¹⁸ И. П. Еремич. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 334.

¹⁹ Там же, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 416.

²⁰ Там же, стр. 422.

²¹ Еп. Макарий. Св. Кирилл, епископ Туровский, как писатель. ИОРЯС, т. V, СПб., 1856, стр. 249—250.

²² В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 135—180.

²³ Там же, стр. 138.

при изгнании из рая, он читается в рукописях начиная с XII в., в Триодях постных,²⁴ в древнейших славянских толковых азбуках,²⁵ в апокрифах об Адаме и в духовных стихах). Автор плача-молитвы Адама строит его на традиционном мотиве «греховности», мотиве, возникшем под воздействием церковной фразеологии на устную причеть — «сетования на смерть, которая пришла потому, что перед господом согрешили».²⁶ «...Исконная связь с устной причетью плачей библейско-византийской литературы облегчила и поддержала проникновение элементов национальных причетей в плачи русских церковных жанров, продолжавших традиции аналогичных жанров переводной литературы».²⁷

Но у Адама в мольбе-заступничестве за праведников в роли грехов выступают добродетели, он говорит о заслугах перед богом каждого, кто томится сейчас с ним в адской темнице. Традиционное построение художественного текста приобретает новую интерпретацию, возникает мысль о незаслуженном, несправедливом страдании. Границы жанра расширяются. «Функция плача в составе литературного произведения, — пишет В. П. Адрианова-Перетц, — зависит от целеустремленности всего памятника в целом, следовательно, связана и с литературным направлением, к которому он относится. Поэтому и темы древнерусских плачей в литературе так же разнообразны, как богато содержание устных причетей. ... Поэтому не только лирика личных интимных настроений, но и острая публицистическая тема, в соединении иногда со специфичной для средневековья покаянной или обличительной тенденцией, пользуется формой плача».²⁸ Плач-молитва Адама в том виде, какой она имела в архетипе «Слова о Лазаревом воскресении», до выделения в отдельную редакцию, не выпадала из системы идей эпидейктического «слова». Чем горше и тяжелее страдания Адама и пророков в аду, тем выше и могущественнее их освободитель. Лирически приподнят и монолог богоматери, припавшей к младенцу Христу. Он приводит нас к мысли о том, что перед нами фрагмент несохранившегося полностью плача, стилистически связанного, быть может, с плачем богоматери над распятым Христом.

Как и многие произведения ораторского жанра, пространная редакция «Слова» оканчивалась традиционной похвалой-славой Христу, святой Троице, заключительным «аминь». Признаки ораторского жанра можно найти и в стилистике обеих редакций «Слова». Это и формула личного обращения автора к слушателям, присутствующая уже в пророчестве Исайи: «Слыши, небо, внуши, земле». Давид, играя на гуслях и предлагая прославить Христа-спасителя, обращается к слушателям и читателям: «братие», «друзи», «дружино», что, видимо, помимо других черт, и дало повод И. Я. Франко отнести «Слово на Лазарево воскресение» к дружинной поэзии. Когда автор заставляет звучать голос того или иного персонажа, в его речи мы тоже находим много прямых обращений к собеседнику: «О высокий, страшный, бессмертный, царю небесный», «Давиде, глаголи», «Лазарю, друже господень», «изведи, господи, из ада» и т. п.

²⁴ За это указание и возможность пользоваться материалами по данной теме приношу глубокую благодарность В. П. Адриановой-Перетц.

²⁵ См.: Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова. К изучению славянских азбучных стихов. — ТОДРА, т. XXIII, М.—Л., 1968, стр. 27—61.

²⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 158 и далее.

²⁷ Там же, стр. 177—178.

²⁸ Там же, стр. 178.

Для «Слова на Лазарево воскресение» характерен и основной из риторических приемов — перенос событий из прошлого в настоящее. Давид призывает пророков прославить Христа «песньми днесь», воспеть «песнь веселу днесь», и, начиная эту песнь с картины рождества, автор переключается в настоящее: «слышим топот перських конь», «несут дары волсви», «пастыри свиряют у вертепа», «голос их проходит адова врата», «его же мати чиста девица припадает к нему любовно, повивает его пеленами, глаголет к нему» и т. д. Употребление автором «Слова на Лазарево воскресение» глаголов в настоящем времени близко по значению современному *praesens historicum*.

Ощущение одновременности событий с авторским рассказом мы чувствуем в следующих выражениях: «Се бо время весело наста», и «се день спасения приде», «а се скоро Ирод безумный шатайся»; в причитании богоматери: «Сия ли пещеры восхотел еси, или сих яслей, в них же ныне лежиши?». В «Слове на Лазарево воскресение» найдем и риторические повторы с анафорой, столь характерные для ораторской стилистики: «Уже наста светлый день и время благоприятно приде . . . уже слышу топот (ног) конь перських . . . уже слышу пастыри свиряют у вертепа»; «. . . се бо на земли сей толко в мал час добро видехом, и се в тузе сей многа лета в обиде самы. В мал час аз бых царь всем тварем божиим, а ныне в многы дни раб бых аду, а бесом его полоняник. В мало время свет твой видех, а се уже солнца твоего пресветлаго не вижду на многая лета. . .». Молитва-плач Адама постоянно прерывается горестными восклицаниями: «И той с нами во аде. Изведи, господи, из ада». В приведенных примерах из «Слова» можно заметить отчетливый ритмический рисунок — чаще всего он возникает при чередовании одинаковых синтагм. Говоря о ритмической природе сочинений эпидейктического красноречия, И. П. Еремин видел развитие этой традиции, идущей от Горгия и Исократы через азианский стиль и эпоху второй софистики к ораторам Киевской Руси, и в «Слове на Лазарево воскресение».

Как и в плаче Адама, автор в плаче богоматери переосмысляет традиционную форму — форму похоронного плача, когда оплакивается только что ушедший из жизни. Здесь Мария обращается к только что родившемуся, и поэтому ее плач приобретает иной оттенок: «О царю великий, небесный, что ти ся всхотел к нам нишим снити на землю — сия ли пещеры восхотел еси, или сих яслей, в них же ныне лежиши?».²⁹ Богоматерь спрашивает младенца Христа, зачем он родился, как в похоронных плачах всегда вопрос — зачем умер, оставил. Деревянный гроб как последнее ложе человека на земле превращается в плаче Марии в ясли — первую его колыбель.

Автор «Слова на Лазарево воскресение» в плаче богородицы отталкивается от похоронной причеты, но объединяет их не только морфологическая конструкция, но и единое настроение, лирически окрашенное чувство боли — в похоронном плаче оттого, что оплакиваемый ушел; в плаче богоматери — оттого, что она предчувствует страдания, которые ждут ее сына на земле: вот ведь уже «Ирод без ума остры мечи изостри».

Фольклорную окраску приобретает «Слово» в одном из его списков, хорошо сохранившем архетипные черты. Текст его помещен в сборнике Пинежского собрания ИРЛИ, № 280, на лл. 20—25.³⁰ «Фольклорность»

²⁹ По древнейшему списку краткой редакции (ГИМ, собр. Уварова, № 111, л. 155. Начало XVI в.).

³⁰ Краткую характеристику этого списка см.: М. В. Рождественская. К литературной истории текста «Слова о Лазаревом воскресении» (Пинежские списки

особенно ясно чувствуется в том месте плача-молитвы Адама, где он заступает за Иисуса Наввина и пророка Гедеона. «Грехом» Иисуса было покорение Иерихона. Воздействие устного предания ощущается в описании Иерихона: «Град же бяше каменен, а заборолы железны, тесом побиты серебряным, да узлачен»; в рассказе о том, как Иисус «изби триста и семь тысяч рати». Пророк Гедеон провинился тем, что он «искусиша руном бога». Фольклорная обработка чувствуется в троекратном загадывании загадок Гедеоном, в том, как он из руна «вынеме двенадцать пудов воды». Рассказ о строительстве царем Соломоном храма «Святая Святых» в Иерусалиме, загадывание им загадок и освящение храма двумя орлами находит аналогии в широко распространенных апокрифических сказаниях о Соломоне.

Как же в самих списках «Слова на Лазарево воскресение» определяется его жанр? Его называют и «словом», и «повестью» или «повестями святых апостол», «святых пророк», а в большинстве случаев к текстам «Слова» в рукописях жанрового определения не дано, и называются они по-разному: «О выведении праведных из ада», «В субботу цветную воскресение друга божия Лазаря», «О радости праведных во аде пред Христовым пришествием»; а в одном из списков писец объединил оба названия — и «слово», и «повесть»: «Слово повесть святых апостол от Адама к Лазарю четверодневному».³¹

Интересно, что почти всегда текст краткой редакции, т. е. плач-молитва Адама, назван «словом... от Адама во аде к Лазарю». Термин «слово» имел в древнерусской литературе достаточно широкое значение,³² но прежде всего он означал торжественную, эпидейктическую речь. Такое понимание этого названия мы находим в списках пространной редакции «Слова о Лазаревом воскресении». Они называют произведение «Словом... на Лазарево воскресение», потому что оно приурочивалось к торжественному церковному празднику — Лазаревой субботе. Редактор краткой редакции чувствует ораторскую основу «Слова о Лазаревом воскресении», но, вероятно, называя текст «Словом», он привносит в это название оттенок того значения, на которое указывает Н. А. Мещерский: «... устное предание-сказание, легенда».³³ Редактор краткой редакции конкретизирует значение термина «слово»; он обозначает им то, что было в действительности сказано, произнесено Адамом, и поэтому в название текста добавляет: «... иже от Адама во аде к Лазарю».

Итак, обращение к тексту «Слова на Лазарево воскресение» подтверждает определение этого памятника И. П. Ереминым как эпидейктической речи. Но как произведение высокохудожественное, оно не укладывается целиком в рамки ораторского жанра, как и «Слово о полку Игореве», с которым все исследователи «Слова о Лазаревом воскресении» его сопоставляли. Обнаруживая некоторые лексические и стилистические аналогии со «Словом о полку Игореве», поучениями Кирилла Туровского, «Словом» Илариона и другими произведениями ораторского

1533 г.). — Тезисы докладов на совещании молодых специалистов «Вопросы изучения средневекового славянского и греческого рукописного наследия в советских собраниях (текстология, палеография, кодикология, источниковедение и др.)». Л., 1967, стр. 11—13.

³¹ Собрание Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева в Москве, № 107. Измарагд, конец XVI в.

³² См. об этом: Н. Ф. Дробленкова. По поводу жанровой природы «Слова о Вавилоне». — ТОДРЛ, т. XXIV, Л., 1969, стр. 129—130.

³³ Н. А. Мещерский. 1) К толкованию лексики «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Ленинградского университета, № 193, серия филологических наук, вып. 24, Л., 1956, стр. 4; 2) К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 43.

жанра, «Слово на Лазарево воскресение» обладает особенными, ему лишь присущими чертами. Автор «Слова» попытался расширить границы эпидейктической речи, вплетая в нее апокрифические мотивы, включая плачи с чертами молитвословного жанра и «драматические» сцены из «слов» Епифания и Евсевия Александрийского.

Сделать это позволяла апокрифическая природа памятника, которая, как нам кажется, обусловила его жанровую гибкость и неопределенность.

Обращаясь к различным источникам — к библейскому тексту (книга пророка Йсайи, Псалтырь), к евангельскому (Иоанн, гл. XI), к апокрифическим сочинениям Евсевия Александрийского и Епифания Кипрского, «Слово» приобретало и жанровую мозаичность. Его компилятивный характер позволял переставлять местами некоторые сцены, вводить весь текст «Слова» в середину другого. «Слово на Лазарево воскресение» было задумано как экзегеза евангельского чуда и церковного праздника, с ним связанного.

Терявшая приурочение к Лазаревой субботе, формально сохранившая связь с сюжетом воскрешения Лазаря в виде очень краткого пересказа евангельских событий, пространный редакция пытается сохранить черты ораторского «слова», с одной стороны, а с другой — тема пророков и ада разрушает их.

Выделившись в самостоятельное целое, краткая редакция «Слова» восприняла традицию библейско-византийских плачей, одновременно сохранив приурочение к 6-й субботе великого поста и указание в названиях списков на первоначальную ораторскую природу («Слово, иже от Адама»). Соединение элементов разных жанров в одном произведении, неопределенность жанровых границ свидетельствуют об относительной древности литературного памятника, когда данный жанр еще не устоялся или, напротив, начинает распадаться.

«Для XI—XIII вв. характерно, что многие более или менее талантливые произведения выходят за традиционные жанровые рамки. Они отличаются младенческой неопределенностью форм».³⁴

³⁴ Д. С. Лихачев. Жанр «Слова о полку Игореве». — *Atti del convegno internazionale sul tema: La Poesie epica e la sua formazione*. Roma, 1970, стр. 318.